

Золушка, не ставшая принцессой

Зеленоглазая девочка. Глаза мерцают, как звезды. С какой планеты занесло тебя в наш грешный мир? Её звали Наташа Бурмистрова. В двадцать лет ее не стало. “Астма задушила”, – мимоходом бросила встретившаяся в трамвае бывшая одноклассница. Остался сын Максимка. Мы были еле знакомы. Почему я помню тебя? Как ты стояла в вечернем сумраке возле 19-й школы, обернувшись на чей-то оклик, и так навеки застыла в моей памяти. Как летела, кружилась на коньках-снегурках серебристой снежинкой в белом кружевном платке. И растаяла в сумраке ночи... Мы ходили тогда общей компанией на каток “Динамо”. Челка. Длинные ресницы. Чуть удивленный мерцавший взгляд в свете фонарей. Помню, как зашли как-то к тебе с твоей подругой, моей одноклассницей. Ты жила в угловом доме на углу Горького и проспекта Кирова, где “Гастроном”, на квартире у родственников. Помню легкую фигурку в домашнем халатике, заспанную смущенную улыбку. Помню даже чернильное пятно на среднем пальце, дорожку на твоём чулке. Дорожка бежала по чулку вниз. Бежала в никуда, в никогда, в вечность...

Последняя случайная встреча с тобой в трамвае (в том же, где услышу

потом скорбную весть). Разговор ни о чем. Как не дано нам знать своей судьбы! Мучает мысль: зачем-то ты встречалась на моем пути? Олицетворение мечты, поэзии, вечной женственности. В твоих глазах уже тогда, в школьные годы, было что-то нездешнее, что-то от иных миров. Помню, увидав тебя впервые, я восхищено записала в своем дневнике: “Почему-то она мне очень нравится, больше всех из девчонок. У нее распущенные волосы и большие зеленоватые глаза с каким-то загадочно-покорным взглядом. И вся она чем-то похожа на русалку. Сколько в ней нежности, женственности, поэтичности!” Подруга, прочитав, подняла на смех: “О Боже! Нежная, воздушная! Вечно непричесанная, в дырявых чулках...” Сама она была в порядке: дочка известной оперной артистки и режиссера, всегда выходила к доске, как на сцену, в модном тогда перманенте, звеня цепочками, брелочками, браслетками, на высоких каблуках. Но в ее тщательно продуманном броском облике не было души. Она же мне и сообщила годы спустя эту весть о смерти Наташи мимоходом, в трамвае. И – о себе, гордо: как удачно вышла замуж за бизнесмена, как все у нее путём. И эта самодовольная пошлость торжествовала над слабым ночным отблеском бедной девочки, оставшейся в школьном прошлом, замарашки-золушки, гадкого утенка, так и не дожившей до своего лебединого звездного часа. Никто не успел увидеть, что она принцесса. Где ты, неведомый Максимка? Что ты знаешь о своей вечно юной маме?

Помню, в то время – мне было лет пятнадцать – я зачитывалась “Жан-Кристофом” Р. Роллана. И русалочий облик Наташи слился в моем сознании тогда с образом нежной меланхоличной Сабины, в которую был пылко влюблен главный герой. Пытаясь вспомнить свои давние ассоциации, я сняла с полки любимую книгу и – в это трудно поверить – она сама вдруг открылась на нужной странице.

“С легкой краской на скулах он украдкой глядел на голые худощавые руки, лениво касавшиеся небрежных волос... видел всю ее фигурку, забывшуюся в небрежно-томной позе... Не то, чтобы она была кокеткой, скорее, неряхой, и уж, конечно, не могла сравниться с Амалией и Розой, которые заботливо следили за собой. Хрупкая, миниатюрная... одетая не особенно тщательно, в старых стоптанных башмачках... Сабина тем не менее очаровывала своим молодым изяществом, нежностью... Она не прилагала никаких усилий, чтобы внушить к себе любовь”.

Жан-Кристоф видел в ней прелесть, которую никто, кроме него, не замечал, не разделял его восхищения. Это было что-то не подвластное логике, разуму, здравому смыслу. “Роза смотрела на нее беспощадным взором и видела маленькую ленивицу, неряху, эгоистку, равнодушную ко всему на свете, не занимающуюся ни хозяйством, ни ребенком... И вот такая-то понравилась Кристофу!..”

Однажды они катались с Сабинной на лодке. И вдруг он заметил тень смерти на ее юном лице. “Её личико побледнело, вокруг глаз легла страдальческая складка, она не шевелилась; казалось, она страдает, отстрадала,

уже умерла. У Кристофа сжалось сердце”. Это был словно знак свыше. Через три недели Сабины не стало. Они так и не успели сказать друг другу главные слова. Я помню, как плакала, когда читала эту главу, и как в образе Сабины все время почему-то видела Наташу. Почему?! Ведь я тогда не знала, что она скоро умрет, как та французская героиня. Я не верю в мистику, но иногда бывают какие-то непостижимые совпадения и переклички литературы и жизни. Почему я вдруг вспомнила ее? Почему рука сразу открыла нужную страницу? Ведь я даже не помнила точно, в каком это томе, взяла первый попавшийся наугад.

“Я не умерла, я лишь переменяла жилище, я продолжаю жить в тебе, а ты видишь меня и плачешь обо мне...” – читала я. Эта девочка словно окликнула меня сквозь годы, сквозь толщу небытия, чтобы... что? Я напряженно всматривалась в даль памяти, вслушивалась в звучащие во мне голоса. Закрыла и открыла книгу, как в детстве, когда “гадала”, ткнув пальцем в случайно

выпавшие строчки. И мне выпало: “Каждый из нас носит в себе как бы маленькое кладбище, где покоятся все, кого мы любили. Они мирно спят годами, и ничто не нарушает их сна. Но приходит день – и могильный ров расступается. Мертвецы выходят из своих могил и улыбаются бескровными устами, все теми же любящими устами, любимому, возлюбленному, в чьем лоне живет их память, подобно тому, как спит ребенок в материнской утробе”.